

Проф. Е. Месснер

МИР без МИРА

Всеславянское Издательство

Нью Йорк

1967

**Все книги издания Всеславянского Издательства
выходят при благосклонном участии и поддержке
князя Сергея Сергеевича Белосельского**

Проф. Е. Месснер

М И Р без М И Р А

Всеславянское Издательство

Нью Йорк

1967

WORLD WITHOUT PEACE

by

Prof. E. MESSNER

Library of Congress Catalog Card Number. 67-18842

**Published by ALL-SLAVIC PUBLISHING HOUSE, Inc.
New York**

1 9 6 7

МИР БЕЗ МИРА

Итальянским министром-президентом в 1920 г. был Франческо Нитти. Это был итальянец очень умный, завидно-культурный и ребячески демократичный, (говорю „ребячески” потому, что он любил Демократию, как ребенок любит свою мать). Ему пришлось от имени Италии подписать Версальский договор, так как его предшественник заверил версальских мудрецов, что итальянское правительство договор подпишет. Но в 1922 г., уйдя со своего высокого поста, Ф. Нитти написал книгу „Европа без мира”, в которой беспощаднейшим образом раскритиковал Версальский мирный договор, давший Европе не мир, а ситуацию, чреватую войною.

В 1922 г. я прочел эту книгу по-итальянски и получил уважение к государственной мудрости Ф. Нитти. В 1946 г. попалась мне эта книга на французском языке и, прочтя ее, я убедился в государственной глупости современной Демократии: эта планетарная особа прочла книгу „Европа без мира” на итальянском, русском, английском, американском, французском, немецком, испанском, португальском, венгерском, шведском, финском, голландском, польском, болгарском, турецком, арабском и др. языках, но ничего из её истин не усвоила и, после победы над Германией в 1945 г., оставила уж не Европу без мира, но весь Мир без мира, повторив, усугубив, расширив и дополнив безумства и злодеяния Версаля. Сейчас мне прислали эту книгу на русском языке и она мне показалась еще интереснее, нежели в 1922 г.: тогда она рисовала читателю международную обстановку 1922 г. и Демократию 1922 г., теперь же она дает возможность увидеть, что Демократия не поумнела за истекшие

45 лет, а, наоборот, катастрофически поглупела и что от её честности, уже ущерблённой в 1922 г., осталось очень мало.*)

Сопоставление современности — Мир без мира — с той картиной, какую нарисовал Ф. Нитти — Европа без мира —, интересно и поучительно (впрочем, поучительно ли, раз ни житейский, ни государственный опыт никогда никого ничему не учат).

---

*) Если мне скажут: „Демократия от природы глупа и бесчестна“, то я возражу: древнее русское вече и земские соборы XVII века были честны и умны, а в недавнем прошлом Россия имела честные и умные демократические учреждения в виде земств (пока они, политиканствуя, не вышли за пределы своей компетенции).

Часть I

Демократия и Россия

Черчилль сказал о нашей Родине эффектную, но бессмысленную фразу: „Россия — загадка, обволкнутая тайной, которая спрятана в мистерии”. Ф. Нитти, которого я выше назвал умным человеком, написал глупость о России (конь о четырех ногах, а и тот спотыкается — Ф. Нитти в своей книге многократно спотыкался):

„Россия — этот безумный гигант — подавала признаки безумия гораздо раньше нынешней революции”. Почему он думает, что Россия безумна и не видит вокруг себя признаков безумия? Итальянская авантюра в Абиссинии и бегство оттуда (1896 г.); завоевание Италией Ливии, которую можно было по соглашению получить от Турции; истерика Франции из-за Фашоды (1905 г.) и еще БОльшая, чуть не вызвавшая франко-британско-германскую войну, из-за Танжера; австрийская мегаломания, побуждавшая Вену стараться присоединить к себе нашу Малороссию, а также всех балканских славян (затяг Франца-Фердинанда, убитого в 1914 г. в Сараево) — БОльшие безумия, чем „безумие” России.

Наименование России „безумным гигантом” вполне соответствовало тому безумному представлению о России, какое существовало в Европе на протяжении столетий. Еще Суворов констатировал с огорчением, что у европейцев на всё две мерки: одна для себя, другая для нас. Эта „мерка для нас” основывалась на поверхностных, малоосмысленных заключениях, как у Ф. Нитти: „Было известно (и факты подтвердили это), что царь не обладал никакой волей” (Откуда известно? Какие факты подтвердили это? Просто прилепляют ярлык и все в Европе ему верят). „Империя, деспо-

тически управлявшаяся” (Не курьезно ли: власть деспотическая, а обладатель власти, царь, безволен?) Из-под пера Ф. Нитти, как и вообще из-под перьев Европы тех времен, являются уверения о России, клеветнические и лживые, но казавшиеся европейцам трюизмами, т. е. избитыми истинами: „Русский народ, за исключением некоторых случаев индивидуального возмущения, привык к самому рабскому повиновению”. И эти „избитые истины” живучи: сейчас спросите любого европейца или американца, южного, северного, каково его мнение о царской России, и он с совершенной уверенностью повторит слова Ф. Нитти: „Деспотическая страна, где народ безропотно терпел свое рабство и где правил безвольный царь”. Сорок пять лет миллионы русских зарубежников разносят по свету правду о **былой России**, но правду никто не хочет слышать, потому что оставаться в невежестве удобнее: **привычные мысли лежат спокойно в ленивом мозгу, а новые мысли делают там смятение.**

Общепринятым в двадцатых годах способом решает Ф. Нитти вопрос, кто виновен в возникновении I-ой Всемирной войны? Он повторяет слова какого то предвоенного государственного человека: Европе грозила опасность потому, что 300.000.000 человек (Россия, Германия, Австро-Венгрия) управлялись „безвольным и недалеким русским царем, бездарным маниаком, императором Германии, и старым, упрямым и замкнутым честолюбцем, австро-венгерским монархом. Ведь всего каких нибудь три десятка лиц... руководили тремя безответственными монархами...” А в этой группе виновных в войне государств выделена Россия — ведь это так естественно для культурных европейцев возложить вину за катастрофу-войну на этих азиатов-русских: „Россия была настроена воинственно”, безапелляционно уверяет Ф. Нитти, как уверяли перед той войной и после войны все „знатоки России”. И Россия, мол, не могла быть не настроенной воинственно, потому что „После поражения, нанесенного России Японией, военная партия (!? Е. М.) глубоко ощущала потребность европейского реванша”. Это — мнение Ф. Нитти, это — мнение каждого итальянца, современника Ф. Нитти и каждого итальянца ныне. Россия была воинствен-

на, хотя не она напала на Японию, а Япония напала на неё и не она объявила войну Германии, а Германия объявила ей, Италия же, в противоположность России, не воинственна, хотя дважды напала на Абиссинию в конце прошлого века и один раз в начале этого века, напала на Турцию (Либия), напала на Албанию, а затем на Грецию и угрожала Турции войной, требуя Додеканезские острова. Аксиома: Италия традиционно миролюбива, Россия всегда воинственна.

„Никто не может утверждать, что в течение десятилетия, предшествовавшего войне, Германия больше угрожала европейскому миру, чем Россия”, — говорит Ф. Нитти. Значит, Россия больше Германии угрожала европейскому миру, а не Франция, которая устами Клемансо сказал в 1912 г., что Франция хочет реваншироваться за поражение у Седана (1870 г.) и даже за проигранную битву у Ватерлоо (1815 г.)! Аксиома: реваншистская Франция не хотела войны, Россия же хотела войны (хотя она России, по нашему убеждению и по правде Божьей, не была нужна). А из этой аксиомы вытекает обвинение: „Царская Россия несет большую ответственность за войну: и дипломатические документы и события на Балканах доказывают, что окружающие царя подготавливали войну, и он был настолько слаб и нерешителен, что не мог сопротивляться этому” (Ф. Нитти). Ясно: Россия ответственна в том, что епископ Шептыцкий, сидя во Львове, пропагандировал среди наших малороссов их присоединение к Галиции; что Вена аннексировала Боснию и Герцоговину, тем вызвав в Сербии крайнюю тревогу за свою судьбу; что венская дипломатия силилась включить в сферу своего влияния балканские народы, которым издавна покровительствовала Россия, заплатив кровью своих воинов за их освобождение. Если бы Австрия не стремилась к своим лоскуткам приточать еще балканские и русский куски, то Россия не была бы так дипломатически и военно настроена.

Но европейцы этого не сознавали или не признавали: „Нет сомнения, что русская мобилизация предшествовала даже австрийской”, — пишет Ф. Нитти, отступая от истины. И он и европейцы отступали от истины, потому что были преубеждены в отношении России: „Россия вела циничную и

бесстыдную систему подкупа на Балканах”, Россия претендовала на „Польшу в границах XVIII века... почти всю Европейскую Турцию и добрую половину Малой Азии”, „стремилась вовлечь в орбиту своего влияния все славянские народы, вплоть до обитателей побережья Адриатики и Эгейского моря”, „Россия носилась с мыслью достичь гегемонии в Европе”, Россия была „угрозой для народов, живущих по берегам Средиземного моря, и раньше всего для итальянцев”; Россия — опасность для Европы; победа России в Первой Всемирной войне „была бы несчастьем для цивилизации”. Так думал Ф. Нитти, так думала вся Европа до и после Первой войны, так о бывшей России думает весь мир и сейчас. Кто рассеет это дипломатическое суеверие.? Кто убедит этих глупых умников (а дипломаты и политики считаются умниками) в том, что: 1) русская „система подкупов” на Балканах была тем, что сейчас приветствуется и называется помощью развивающимся нациям,*) а вот Австрия действительно подкупила Милана и Александра, сербских королей из династии Обреновичей, чтобы они дали Сербии венскую ориентацию (за что Обреновичи и были свергнуты Карагеоргиевичами); 2) лозунг воссоединения Русской Польши с её Германской и Австрийской частями был возглашен лишь во время войны, а до войны никто, от Царя до мужика, не думал о расширении границ в западном направлении; мечта России о Царьграде была не опаснее мечты Италии о Ницце, мечты Испании о Гибралтаре, мечты Франции об Эльзасе и Лотарингии; Малая Азия России не была нужна, но армяне турецкие просили освободить их от ига Порты и присоединить их к Русской Армении — принцип самоопределения народов был здесь выявлен, прежде чем Англия сделала его всемирно признанным и всемирно опасным; 3) Россия не могла „стремиться вовлечь в орбиту своего влияния” народы на берегах Адриатического и Эгейского морей — Черногория, Сербия и Болгария были в орбите этого влия-

---

*) Это было благотворительностью: мог ли Император Александр III ждать военной, дипломатической или экономической пользы от черногорского князя Николы, которому он из Одессы слал пароходы полные кукурузы? Россия благотворительствовала в эпоху, когда иные великие державы колониально грабительствовали.

ния с тех пор, как Россия стала вести войны ради освобождения южных славян. Ни для кого это не было ясно, потому что все страшились миролюбивой мощи России и все боялись этого гиганта, который „находился под опекой неумного человека и бессовестной банды людей старого порядка” (Ф. Нитти). Страх этот рос по мере того, как в мозги европейцев проникало сознание, что „Россия в течение полувека, предшествовавшего войне (1914 г. Е. М.), была, быть может, той страной Европы, которая достигла наибольшего прогресса”. Этот выдуманный страх перед прогрессирующей Россией так крепко засел в суетливых душах европейцев (а теперь и американцев), что они предпочитают видеть на территории России всемирно-революционный СССР, лишь бы не увидеть восстановившуюся Россию.

У страха глаза малы: умный Ф. Нитти 1922 г. и многочисленные Нитти (как и Франческо, умные) начала XX века не могли разглядеть миролюбивую душу России, а видели лишь её мощное тело. Потомки же этих Нитти и теперь нашу Россию, нашего гиганта, сваленного с ног, видят такими же маленькими, полными страха глазами и боятся её возрождения. В феврале 1965 г. немецкий журнал „Коментаре” (Буэнос Айрес) писал: панславизм стремился к отделению от Австро-Венгрии областей с славянским населением и к выходу на линию Триест-Штетин (что вело бы к включению в Великую Россию и таких областей Австро-Венгрии и Германии, которые были населены немцами); в Австро-Венгрии полагали, что эти цели являются официальной политикой России.

Для незрячих не имеет значения образовавшаяся за протекшие десятилетия историческая перспектива.

Демократия

Демократ Ф. Нитти осуждает Россию. Демократия Ниттиевского времени осуждала Россию. Демократия нынешнего времени продолжает осуждать нашу Россию. Но эти осуждения оказываются малозначущими, ничтожными по сравнению с теми винами, преступлениями Демократии, какие в своей книге выявил Ф. Нитти. Он говорит о современной ему Демократии: „Уже много веков, как ни одно европейское государство не запятнало себя такими абсурдными и бессмысленными преступлениями, как победоносная Антанта, которая в момент опасности торжественно заявляла, что она борется за принципы демократии, справедливости и свободы”.

Демократия 1918-20 гг. запятнала себя Версальским договором, говорит Ф. Нитти, а мы добавим: больше всего запятнала себя предательством в отношении поверженной России. Ф. Нитти обличил в своей замечательной книге Демократию, но она не образумилась, не осоветилась и на протяжении десятилетий повторяет, усугубляет преступления 1918-20 годов. „Не было сдержано ни одно из благородных заявлений, сделанных Антантой во время войны”, говорит Ф. Нитти. А сдержали ли свои обещания основатели Лиги Наций, а затем Организации Объединенных Наций? Не насмеялся ли над побежденными и победителями Вильсон с его пресловутыми „14-ю пунктами”? Не предали ли Труман с Маршаллом Чен-Кай-Шеков Китай в Мао-Тзе-Туновы руки? Не был ли возглавитель демократической Великобритании Ллойд-Джордж фарисеем и лжецом, сказавши „Нет ничего более непростительного, чем несправедливость в момент торжества” и после этого подписавши Версальский до-

говор, варево из несправедливости и произвола? Не должно ли сказать: „Нет ничего более непростительного, чем соглашение в Потсдаме Трумана и Атли со Сталиным?“ Демократия потсдамская оказалась хуже той, версальской.

Преступный Версальский мир разложил морально Европу, писал Ф. Нитти, и ей грозит одичание. Мудрый итальянец оказался прав. А теперь и без его мудрости сознаем, что не-мир 1945 г. разложил весь Мир, весь Свет. Ф. Нитти с печалью спрашивал: не усвоила ли после-версальская Европа дикие пережитки средневековья? Мы же с негодованием можем сказать: после-ялтинский демократический Мир подобен Атилле, который свои походы характеризовал словами: „Земля дрожит, звезда падает“ — от хирошимской Эйнштейн-Рузвельт-Трумановой атомной бомбы задрожала Земля и небо сотряслось.

Ф. Нитти пишет: „Народы, привыкшие к своему порабощению, лишь только почувствовали власть в своих руках, поверили, что им разрешена любая жестокость в отношении вчерашних господ“ (жестокость поляков к немцам, румын к венграм и т. д). После-Рузвельтова демократия не устыдилась Ниттиевых упреков и на муки отдала немцев в руки чехов и поляков, а чехов и поляков и др. — в руки коммунистов. Первая Всемирная война „...помрачила умы и способствовала развитию духа насилия“ (пишет Ф. Нитти о Демократии) и от этой психической болезни Демократия не излечилась до сего дня — наоборот, болезнь ужасающе усилилась: в Южном Тироле старый вид насилия (итальянцев над австрийцами), в Японии новый, садистический вид насилия (американцы заставили микадо объявить, что он не божественного происхождения — этим произведено чудовищное насилие над душой японского народа, над его 2600-летним верованием).

Чуть ли не каждая страница книги Ф. Нитти заставляет сравнивать Демократию Ниттиевог времени с нынешней и сравнение это приводит к заключению: после-версальская была изъязвлена пороками, а после-ялтинская состоит из пороков. Та, изъязвленная, с пренебрежением говорит о нашей России, а эта, сплошь порочная, с презрением говорит

о „варварской России царей”. Порок считает порочной нашу Святую Русь.

Ф. Нитти, нежно любивший Демократию и преданный её идеалу, видел пороки окружавшей его Демократической среды и он порицал Россию не со дна этих пороков, но с высоты своего демократического идеализма. Сейчас нет на свете ни одного Нитти, идеалиста Демократии (или, по крайней мере, их не видно, о них не слышно), а порицающих нашу Россию много. Эти порицают не с вершины идеализма, как Ф. Нитти, а из пропасти преступлений против свободы и справедливости, в которую вверглась нынешняя Демократия. **Не им судить нашу Россию и не им осуждать её, потому что они сами под судом Божьей Правды. И они не оправдаются, а Россия будет оправдана.** (Подчер. изд.),

Демократия и СССР

Франческо Нитти на многих страницах своей книги представляет себя демократом-идеалистом и даже идеальным демократом. Но вдруг, заговоривши о СССР, он пишет совсем не идеалистическую и даже не идейную фразу: „К международным отношениям неприменим абстрактный критерий добра и зла”. На базе этого афоризма он строит свою систему взглядов на коммунистическую власть в Москве и на то, как должны вести себя демократические государства в отношении страны, в которой водворилась эта власть. Директиву в этом отношении дал президент Вильсон в 6-м из своих знаменитых и злополучных „14-и пунктов”: „Очищение всех русских областей и регулирование всех вопросов, касающихся России. Должно быть обеспечено добровольное сотрудничество всех наций с целью дать возможность России свободно избрать пути своего политического развития и национальной политики и гарантировать ей искреннюю готовность принять её с теми государственными учреждениями, которые она для себя создала, в Лигу Наций, но и оказать ей всяческое содействие. Поведение братских стран по отношению России будет суровым испытанием их доброй воли, их понимания её потребностей и их разумной и безкорыстной симпатии”. Надо удивляться, как удалось Вильсону в три фразы уложить столько благоглупостей и злоглупостей: те там, в Москве называют себя РСФСР, а он говорит — Россия; те пришли к власти путем кровавого насилия, а он бормочет о государственных учреждениях, „которые она (Россия. Е. М.) для себя создала”; те явно и недвусмысленно и для всего мира угрожающе провозглашают свои интернационалистические цели, а он талдычит о их „национальной политике”. Впрочем, от Вильсона мно-

гого нельзя требовать — недалекий школьный учитель, выдвинутый масонством, как удобное ничтожество, ставший на высоком посту марионеткой масонов, он не был в состоянии разобраться в вопросе Россия,-РСФСР-народ-компартия. А вот, почему не разобрался в этом вопросе Ф. Нитти, это не понятно. Но уж совсем непонятно, почему Демократия, руководимая такими „великими“, как, скажем, Гендерсон, Атли и Иди, Бриан и Блюм и Мендес-Франс, Делано Рузвельт и Барух, и Кеннеди и т. п. не разобралась в этом проклятом вопросе на протяжении почти полу-столетия? Это настолько фантастически непонятно, что надо придти к заключению: отлично разбирались и разбираются, но умышленно и злоумышленно давали и дают ложный и лживый ответ на вопрос и строят дипломатию и политику на этой лжи.

Демократия и сейчас, как Ф. Нитти 44 года тому назад, считает Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля авантюристами и их борьбу против комвласти называет попыткой реставрировать старый режим. Ф. Нитти видит, что „большевическое правительство находится в резком противоречии с общепринятой моралью“, и думает, что поэтому такое правительство не следует признавать, но, с другой стороны, он полагает: „Одной из величайших ошибок Антанты по отношению России (РСФСР,-Е. М.) было то, что Антанта обращалась с нею, не как с павшей дружеской страной (Страна Ленина --- дружеская страна!-Е. М.), а как с побежденным врагом“.*) Нитти великодушен в отношении этой „России“: „Новый строй, вышедший из революции, может и не признавать долгов старого порядка и аннулировать их“. Нынешние Нитти еще великодушнее: на протяжении десятилетий Красный Кремль подписал 80 международных договоров и 79 из них нарушил, а демократические государства считают

---

*) Ф. Нитти пишет: „Я убежден, что враждебное отношение Антанты к России (РСФСР,-Е. М.) скорее оказало услугу большевическому правительству“, „Блокада России (РСФСР,-Е. М.), проволочные заграждения, которые возвели вокруг России, нанесли огромный ущерб всей Европе; это была блокада самих союзников“ (?) Этот взгляд не только прочно укоренился в мозгах Демократии, но и получил теперь колоссальное развитие -- все восхищаются со-существованием Демократии и коммунистического СССР.

это в порядке вещей и продолжают заключать договоры с ним.

Ф. Нитти кажется, что „не трудно было всякому, скольнибудь широкому и ясному уму понять положение дел в России” (РСФСР,-Е. М.). Он понимает, что „диктатура пролетариата, вернее, диктатура невежества и неспособности приведет лишь к катастрофе, и что за насилием неминуемо последует голод и смерть”. Он видит, что „русский народ страдает от беспримерной нищеты и целые русские провинции вымирают от голода”. Он видит, что „коммунистический режим принес в короткое время столько вреда и бедствий, сколько не дали все вместе взятые вековые системы угнетения”. Но он с демократической бесчеловечностью ждет пользы от русской нищеты, голода, смерти: „Лишь вымирание миллионов людей в коммунистической России может убедить рабочие массы в Европе и Америке, что следует избегать русского примера”. Назвал я такую бесчеловечность демократическою, потому что не один Нитти, но вся Демократия на протяжении десятилетий извлекает пропагандную пользу (антикоммунистическую) из советского эксперимента, но не находит нужным помочь освобождению нищенствующих, вымирающих под коммунизмом (как не помогли Колчаку, Юденичу, Деникину, Врангелю, так не помогли восставшим в 1953 г. берлинцам и в 1956 г. венграм, не перешагнули через 38-ю параллель в Корею и через 17-ю в Вьетнаме, не вняли мольбам Далай-ламы о спасении тибетцев, не поддержали высадки антикоммунистов в Свином заливе Кубы, прервали не довершив, экспедицию бельгийских парашютистов, спасавших в Конго людей из лап коммунистов-каннибалов).

Страдания русского народа не могли укрыться от взгляда Ф. Нитти, но ему не удалось рассмотреть характера взаимоотношений между народом и властью: „каким то путем большевики ухитрились удержать свое влияние на массы русского народа” — пишет итальянец, словно не понимая, что террористическое властвование не есть влияние. Для него террористический режим Ленина выглядит продолжением режима Петра Великого: „Те же методы, которыми со времени Петра Великого Московия была превращена в Импе-

рию, сохранили в наше время силу в русской (большевицкой, -Е. М.) администрации: они живы и по сей час в большевицкой системе". Если можно было бы это глупое сопоставление простить публицисту 1922 г. (как Ф. Нитти), потому что он еще не успел рассмотреть всю мерзость власти Ленина и Дзержинского, то публицистам наших дней (типа Липпман), знающих кровожадность Сталина с Ежовым и Берией, нельзя простить, когда они называют Сталина „красным царем" и вообще отождествляют — способы, методы, тенденции, цели — коммунизм с царизмом. Раз они это делают на протяжении десятилетий, то это — не Липпманов „дальтонизм", не всевозможных Липпманов слепота, а слепота демократической прессы, слепота демократического сознания, слепота Демократии, органическая слепота.

Демократия не уразумела и характера империализма царской России: Аляску продала, от Сандвичевых островов отказалась, от протектората над Абиссинией тоже; на Балканах, ею освобожденных от турок, не водворила ни одной русской династии, но позволила водвориться трём немецким; по просьбе Европы в начале XX века послала отряд войска для умиротворения Крита и отряд жандармерии для умиротворения Македонии и за эти услуги не потребовала ни территориальных, ни иных компенсаций.*) Но не жадный империализм России кажется демократам таким же, как и прожорливый империализм СССР. Как это ни вопиюще абсурдно, проникновение Советов в Сомали и отправку на Кубу Хрущевских ракет считают продолжением царского империализма. Это уже не „дальтонизм", а скудоумие или злонамеренные клеветников, ненавистников России. Ф. Нитти называет политику-дипломатию царской России циничной, преступной (не цинична ли измена Италии Тройственному Союзу в 1914 г. и её переход в 1915 г. на сторону Антанты? Не преступен ли захват Триеста итальянцами во главе с д"Анун-

---

*) Англия в Конце XVIII в. оказала услугу Неаполитанскому королевству, а в конце XIX в. — Порте и за это вознаградила себя захватом Мальты и Кипра, а Россия спасла Европу от Наполеона, промаршировала своими войсками до Парижа и увела войска назад, от Европы ничего не взявши.

цио?) Но нелюбовь Ф. Нитти к нашей Родине проявляется ещё более ярко: он не хочет видеть, что знаменитое „Чудо на Марне” совершено нами — наступлением в Восточную Пруссию двух наших армий и гибелью одной из них — и крадёт у нас этот стратегический вклад в военные события 1914 г.: Италия 2 августа 1914 г. объявила себя нейтральной и это „позволило Франции сосредоточить на севере все свои военные силы и одержать победу на Марне”, — утверждает Ф. Нитти.

Это итальянское хвастовство вызывает у нас улыбку, но гримасу отвращения делаем мы, когда читаем такой афоризм Ф. Нитти: большевизм это — „религиозный фантизм восточного православия, соединенный с централистическим деспотизмом царизма”. Это написано в 1922 г., но под этим согласился бы подписаться не один политический или дипломатический авторитет Демократии наших дней. Перефразируя французскую поговорку „Если кто глуп, так это на долго”, можно сказать: „Демократия возненавидела царскую Россию и это на долго” и „Демократия возлюбила советскую власть и это на долго”. Возлюбила потому, что та возникла из революции, а Демократия почитает всякую революцию, так как современная Демократия сама возникла из той Французской революции, которую почему то называют Великою.

Поразительная вещь: директива президента Вильсона демократическому миру содержала 14 пунктов. Демократия нарушила в Версале 13 из этих пунктов и затем нарушала их чуть ли не тысячекратно на протяжении протекших 45 лет. Но пункт 6-й, касающийся коммунистической власти на нашей Родине, нерушим: неизбежно убеждение, что народ России сам избрал для себя коммунистическую систему власти; что власть эта национальна; что власти этой надо оказывать всяческое содействие; что надо проявлять добрую волю в понимании её потребностей; что надо чувствовать к ней бескорыстную, разумную симпатию... Проявляют, понимают и это безумие считают разумным.

Разумным считали сотворить в Версале Европу без мира. Разумным считали сотворить в Каабланке, Тегеране, Ялте и Потсдаме Мир без мира. В этой „разумности” продол-

жают бедствовать планетарно, не в состоянии будучи понять, что мудра фраза, написанная Ф. Нитти в его книге: „Без России не может быть мира”. Правда, Нитти думал о России безотносительно политической системы в ней и полагал, что мира не может быть без включения в содружество народов Ленинской России. Умный Ф. Нитти, живи он сейчас, понял бы, что мира не может быть без Российской России. Но... Нитти умер, а кто сейчас из государственных деятелей Мира умен? Все стараются быть лишь партийно ловкими для уловления голосов на предстоящих парламентских или президентских выборах. А потому: Мир без мира.

Часть 2

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРАХА

Франческо Нитти написал две фразы, которыми определяется основная его установка и современной ему Европы в отношении Императорской России:

1) победа России в Первой Мировой войне была бы несчастьем для цивилизации;

2) Россия „была угрозой для народов, живущих по берегам Средиземного моря, и раньше всего для итальянцев”.

Эти два страха базируются не на разсудке, а на предразсудке.

Если Нитти понимает слово „цивилизация”, как „культура” (многие так понимают), то он не имел основания бояться той „страны варваров”, из которой уже в то время триумфально прошли и Дягилевский балет и музыка Чайковского, и романы Тургенева и Льва Толстого: не скифская туча грозила с севера Европе, а светило полярное сияние русского творческого, поэтического, музыкального гения.

Если же Нитти под словом „цивилизация” разумеет „дивильный, общественный порядок”, то и тогда царизм не должен был бы его пугать: самодержавнейший из царей — Александр III — заключил союз с демократнейшей (в то время) республикой, Францией, показав тем, что „мрачное самодержавие” не враг „лучезерной демократии”.

Второй же страх Нитти совершенно непонятен: когда и каким образом Россия угрожала народам в бассейне Средиземного моря, кроме турок? Тогда ли, когда Екатерина II послала туда корабли под командой Алексея Орлова и он помогал грекам бороться за освобождение от турецкого

ига? И когда эскадра русских адмиралов Спиридова и Грейга уничтожила у Чесмы турецкий флот? Когда Россия угрожала итальянцам? Тогда ли, когда император Павел отправил к неаполитанским берегам эскадру адмирала Ушакова и тот не допустил, чтобы итальянцами владели Франция (генерал Жубер) или Англия (адмирал Нельсон)? Тогда ли, когда стопобедный Суворов громил Макдональда на Адде и Требии и Жубера у Нови и от французских революционных войск освободил почти всю Северную Италию? Тогда ли, когда этот „северный варвар“, вступаясь за итальянцев, учил австрийцев: „Господа, будьте уверены, что ни английские деньги, ни русские штыки, ни кавалерия, ни Суворов не восстановят порядка и не одержат тех побед, которые привели бы к желаемому результату. Этого в состоянии достигнуть лишь политика справедливая, бескорыстная, прямодушная и честная“.

Если Нитти думал, что Россия особенно угрожала итальянцам, то сотни разных нитти в разных странах так же опасались России за свой народ — австрийский, германский, шведский, французский и т. д.. Опасались, глядя с точки зрения страха. И этот великий страх поддерживали помощью великого фальсификата: те, кто был водружен своим *Drang nach Osten*, слезно жаловались или крикливо негодовали, что Россия производит *Drang nach Westen*. А Россия была, в общем, государством обороняющимся на протяжении девяти веков. Рюриков норманский дух — за славой и добычей! — то ли выветрился в наших князьях, то ли подчинился духу христианства, но уже с начала XI века Русь Владимира-христианина перестает делать свои победные походы, как делала под властью Олега, Святослава и Владимира-язычника. Она обороняется от печенегов, от нападений назойливых половцев (за 150 лет XI-XIII веков 50 больших набегов и без числа малых). В 1223 г. она понесла поражение на р. Калке от татарского разведывательного корпуса. В 1238 г. началось нашествие Батыея и открытая борьба с татарами или прикрытое им сопротивление продолжались до 1571 г., когда Девлет Гирей сжег Москву. В оборонительных целях перейдя в наступление, Русь покоряет в XVI в. Казань и Астрахань; при Петре Великом (начало

XVIII в.) пошли походы на Хиву, а в XIX в. — на Хиву, Бухару, Кокан, на трех врагов, грабивших наши пределы и уведивших невольников. В конце XVIII в. столь же свирепый враг, Крым, был присоединен к России, по его же хана просьбе. В 1894 г. после почти полувековой борьбы с немирным Кавказом удалось его замирить. В 1868-73-76 годах были покорены Бухара, Хива, Кокан и тем закончилась оборона от нападательного Востока: от Батая до Девлет Гирея 333 года; от взятия Казани до штурма Геок-тепе 330 лет.

От Запада Россия оборонялась семь веков: в 1239 г. от шведского орла Биргера, в 1917 г. от кайзера Вильгельма II. Христианский Запад был мерзостнее мусульманского Востока: тот просто нападал, а этот нередко нападал тогда именно, когда Русь была в сражении с Востоком: Дмитрий Донской идет к полю Куликовской битвы, а Ольгерд литвин идет на Димитрия; Иван Калита копит силы для свержения татарского владычества, а Гедимин литовец захватывает Галицкую Русь. Венгры, литовцы воевали Русь в столетия татарского ига, а шведы отняли у Новгорода его Водьскую пятину (Балтийское побережье), ворвались в Карелию; они, оправившись от Невского поражения, продолжали теснить Русь; разбив под Полтавой державного авантюриста Карла XII, Петр не избавил Россию от шведской опасности — лишь завоеванием Финляндии (шведского плацдарма для нападений на наши территории) мы обезопасили свою столицу и свою границу, нарушаемую Швецией на протяжении 570 лет, со времени Биргера (и даже раньше, с конца XII века).

Литва была настойчива в своем стремлении на русские земли. При Витене и Гедимине (1293-1341 г.г.) она захватила Берестейскую Землю (Брест), Полесье (Пинск, Слуцк, Минск, Оршу, Могилев, Бобруйск, Мозырь) и Полоцкую Землю, а также часть Витебской Земли; при Ольгерде (1354-77 г.г.) она взяла на севере остаток Витебской Земли и часть Смоленской Земли, а на юге — огромное пространство от Владимира-Волынского и Луцка до Брянска и до границ Дикого Поля; на этой территории Литве достались Киев, Житомир, Брацлав, Рославль, Стародуб, Новгород Северский и вся земля по рекам Сейм, Псел, Ворскла, Северный Донец; при Витовте (1392-1430 г.г.) Литва поглотила Дикое Поле и

вышла к устью Днепра и берегу Черного моря, а на севере овладела Смоленском и подошла к Москве на 150 верст; к 1466 г. она приблизилась вплотную к Туле, вторгшись в Верховские Земли с городами Козельск и Карачев.

Потом врагом Руси стала Польша. Она снаряжает Лже-Дмитрия, который предпринимает в 1604-5 и 1607-10 г.г. походы на Москву; затем следуют походы Жолкевского (1610 г.), Ходкевича (1612 г.) и Владислава (1618 г.), в результате которых Польшей оккупированы: Москва, Великие Луки, Клин, Тушин, Козельск, а польские отряды бродят по нашей Земле до Волги и даже до Уральских гор, где они разграбили несметные сокровища Строгановых.

Эти нашествия шведов, литвы, поляков продолжались без малого 4 века. Из четырех древних столиц Руси — Новгорода, Киева, Владимира, Москвы — только к востоку лежавший Владимир не был захвачен врагами. Погибала Русь.

Но не погибла. Можно ли словами *Drang nach Westen* назвать усилия Руси возвратить в свое владение то, что было насильственно отобрано Западом? Эти усилия стимулировались не только необходимостью территориальной реставрации, но и другим побуждением: прорвать блокаду, установленную западными соседями и изолировавшую Русь от великих культурных народов Европы. Ярослав Мудрый, правивший с 1034 по 1054 год, слал своих послов и купцов в Германию, Францию, Польшу, Скандинавские государства; великий князь был женат на шведской королевне Ингигерде, дочери его вышли замуж за королей французского, венгерского и норвежского, а три сына его взяли в жены дочерей германских владетельных князей (четвертый же женился на родственнице Константина Мономаха, императора Византии). Словом, Русь при Ярославе вошла в состав Европы. После него она была отрезана от Европы завоевательными соседями, которые и во время перемирия с Русью не давали ей возможности общаться и торговать с Европой.

Восток поглотил Русь татарским игом, западная же блокада отбрасывала Русь на Восток — с ним можно было, если

не общаться культурно, то торговать. Что было хуже: иго или блокада? Иго истощало физически, но духовной жизни народа не касалось: покоренные в веру покорителей не переходили, а покорители принимали от покоренных Православие. Блокада же, отсутствие общения с культурно-развивавшимся Западом, удерживали Русь на почти неизменном умственном и культурном уровне. Если через блокаду прорывались на Русь какие либо знания, понятия, идеи, то они шли через Вильно, Варшаву или захваченный поляками Киев и казались русскому православному человеку подозрительными по воинственному папизму, который Ватикан предписывал полякам в отношении „схизматиков“; поэтому русский человек противился этим знаниям, понятиям, идеям. Так Русь оказалась изолированной на манер островной Японии в века перед переворотом, учиненным Мутсу-Хито в середине XIX. В России переворот сделал Петр Великий.

Иван III попытался, воюя за утеренные Русью земли, прорвать блокаду: он шел войском к Балтийскому Поморью и на берегу Финского залива основал крепость Ивангород. Иван IV воевал с теми же целями 25 лет и потерял Ивангород, Ям, Копорье, Карелу. Федору удалось боем возвратить эти города, но не пробился к морю. Василий Шуйский снова потерял эти города. К морю пробился Петр I, выиграв Великую Северную войну (1700-21 г.г.): Ништатский мир открыл России то окно в Европу, которое захлопнулось в 1582 г., когда новгородский берег финского залива стал шведским и когда прекратилась свободная, без помех торговля Новгорода с ганзейскими городами. Если бы это окно не было закрытым на протяжении полутора веков, если бы ворота Ярослава Мудрого не закрылись при его потомках вследствие блокады, то в нормальном соприкосновении с Европой Русское государство, русское миропонимание, русское просвещение развивались бы нормально и не было бы той отсталости научной, технической, военной, которую Петру Великому пришлось устранить ломкой строя, быта, сознания. Соседская блокада, московская подозрительность-отчужденность от всего „латинского“, иностранного, Петрова ломка и скачек в иностранное имели следствием, что Россия,

наглотавшись европеизма, европейскою не стала, но и в здоровом, отечественном поколебалась.

Россия, как уже было сказано, — государство оборонявшееся. Если она наступала в западном направлении, но не наступала на Запад, т. к. лишь отбирала у Запада свое, собственное. Если она прорывала блокаду, то воевала не для нанесения ущерба Западу, но для восстановления украденной у нее связи с Западом. Не воинственность побуждала Русь-Россию к войнам, а враги воинственные, всегда и неизменно бывшие инициаторами борьбы — они завоевывали, а потом мы отвоевывали.

Присоединение Малороссии к Московской Руси поставило последнюю в соприкосновение с крымскими татарами, а потом турками, превратившими издревне Русское (Черное) море в море турецкое: войска Истамбула овладели почти всем Черноморским побережьем. Европа видела в них у Адрианополя, Белграда, Вены пришельцев-завоевателей и Русь видела их такими же у Азова, Очакова, Измаила. Европа не нашла в себе силы отбросить азиатов-турок в Азию, а Россия отбросила (почти отбросила, а довершить ей не дали европейцы, воспрепятствовавшие ее вступлению в Константинополь). Россия многими походами изгнала турок из земель между Прутом и Днестром, т. е. земель по Днестру и Южному Бугу, на которых в VIII-XI веках жили восточнославянские племена тиверцев и уличей; затем на этих землях обосновались половцы, пока татары не правратили поле в Дикое Поле. Походы России на юг были сперва оборонительными, потому что имели целью обуздать Крым, жадный до русских невольников, спрос на которых в странах Средиземноморья (в том числе даже и во Франции) был велик. Потом походы стали нападательными: Россия стремилась к морю. Это оправдывается геополитикой, которая учит, что народ, живший в пределах какого либо географического объекта, естественным образом стремится распространиться на весь этот объект: Россия не могла не распространяться на всю равнину, на которой жила с древности. Изгоняя с Европейского материка азиатов-турок, Россия не действовала против Европы, а выполняла свой европейский долг, к выполнению которого Европа не имела дерзновения.

Поэтому войны царевны Софии против Крыма и Петра и его преемников включая Екатерину II, против Порты не должны были внушать Европе страха. Все же они внушили страх: не намерения России страшили, а рост её мощи страшил Европу. В Европе росла боязнь великана. А страх побуждал клеветать и приписывать России намерение овладеть Европой, доминировать в Мире.

ВЕЛИКИЕ ХИЩНИКИ.

Здоровый народ растет численно, растет умственно, растет государственно. Без применения насилия, внешнего государства не может стать Великой Державой. Насилие это оправдано законом природы о борьбе за существование. В мире животных насилие ограничено логикой — только хорек убивает ради убийства, а все прочие умерщвляют, сколько необходимо для пропитания: в этом логика убийства. В мире человека мера насилия должна быть согласована не только с логикой, но и с совестью, с заповедями того Бога или тех богов, коим данный народ поклоняется.

Балканская война 1912 г. была для сербов, болгар, греков логичной и совестью — необходимо было положить предел чужеродному властвованию турок на Балканах. Конец войны — потасовка между врагами Турции, и не логична была и бессовестна (по вине болгар). Признаем войну 1912 г. примером приличного империализма. Примером хищного империализма надо считать три итальянских войны против Абиссинии, древнейшего из государств.

Слово империалист стало бранным — по глупости тех, кто не понимает естественности империализма, и по хитрости тех, кто свой империализм (СССР!) прикрывает возмущенными воплями об империализме других. Корейца Сигмана Ри (он требовал изгнания коммунистической власти из Северной Кореи и присоединения ее к Южной) коммунисты обзывали империалистом, как и Аденауэра, Эрхарда и всякого германца, желающего восстановления раздробленной Германии. Никто не обозвал империалистом Его Демократическое Величество Пандита Неру, когда он силой овладел территорией Гоа, 450 лет принадлежавшей Португалии, кото-

рая отказалась там от колониального владычества и дала Гоа такой статут, что эта заокеанская провинция приравнивалась к провинциям метрополии. Случай Неру свидетельствует, что на практике понятия империалист, империализм оказываются условными: Нассеру, прогрессисту, можно уворочать Суэц, а генералу Франко, диктатору, не можно хотеть присоединения к Испании Гибралтара, которым в 1704 г. овладели англичане и сделали своей коронной колонией.

Маленькая островная Англия стала Британией, стала Великобританией, получила ранг Великой Державы в результате применения всех видов империализма: логичного и абсурдного, совестного и хищного. 44.000.000 (по данным 1900 г.) жителей Соединенного Королевства, живших на островах величиною в 278.000 кв. верст, образовали империю, в которой „никогда не заходило солнце”, территория которой равнялась 25.966.000 кв. верст, а население — 400.000.000 душ. Таким образом, колониальные владения превышали территорию метрополии в 92 раза — отвечает ли это империалистической логике? Число колониально-подъяремных было в 10 раз большим числа колониально-властвовавших — отвечает ли это империалистической совести? Россия 1914 г. была лишь в 10 раз пространнее Московской Руси. В России на одного человека триединого русского народа приходилось меньше одного иноплеменника. В XI веке Англия была завоевана норманнами; смешавшаяся кровь дала через пять веков такую же энергию народу, какой обладали норманны, в своих разбойничьих набегах дошедшие до Южной Италии и образовавшие там свое королевство: англичане принимают путешествие для открытия новых земель и водружения на них английского флага. Ост-Индская кампания опутывает своею властью раджей и магараджей; Сесиль Родс ловко заключенным договором с черным королем приобретает и дарит своему королю огромные территории, названные Родезией; Трансвааль, отбившийся от англичан в войну 1877-81 г.г. покорен вместе с Оранжевой Республикой в войну 1899-1902 г.г. — к негодованию всего культурного Мира (впервые в истории англичанами были устроены для бурских женщин и детей

смертоубийственный концентрационный лагерь). Англия слегка защищает Неаполитанское Королевство от революционной Франции и награждает себя за это присвоением Мальты; Англия в 1877 г. не допускает входа победительных русских войск в Константинополь и за эту услугу Турции отнимает у Турции Кипр. Своими она объявляет ничьи земли, т. е. территории без государственного устройства в Африке, в Южной Америке, острова в Океании, Австралию, но она также где силой, где хитростью вырывает куски из существовавших государственных организмов, древних и по своему, по восточному культурных — так возникли британские Гонконг и Сингапур. Она у своего брата европейца отнимает то, чем он владел (Гельголанд у берегов Германии, Нормандские острова у берегов Франции) или то, чем он колониально завладел (инцидент с Францией из-за Фашоды в Африке), или то, на развитие чего вложил свой капитал (колонии Германии, отнятые у нее англичанами в 1920 г.). При распаде Турции в 1918 г. поспешила захватить Иемен и, как мандат, Палестину.

Воспитанные на Библии Старого Завета англичане стали библейски жестокими. Свирепое их властвование в колониях: в Индию послали 180 карательных экспедиций против восставших племен, а в городах расстреливали демонстрантов сотнями; в Иемене подавляли непокорных шейхов бомбежками с воздуха — английский патент на безопасное подавление восстаний. Суровыми способами создавали Британскую Империю морские разбойники, как Дрейк (возведенный королевой в адмиралы) и торгоши, как Родс возвеличенный и прославленный в Англии). Эта империя верила, что она не империалистична и никому не позволяла думать, что она империалистична.

Франция тоже внушила Миру, что она кротка и в империализме не повинна. Эту ложь она распространила так же ловко, как славу „великолепной Великой Революции“ (которая была кровава и изменна), как миф о взятии Бастилии (которую санкюлоты получили обманом), как идею о Свободе, Равенстве и Братстве (которая была декларирована, но даже во Франции не реализована). Мало есть утверждений

абсурднее, чем „Франция никогда не была империалистичной”. — Территория Империи Франции (ее колонии) в 20 раз превышала пространство метрополии, а в это пространство она включила итальянские Ниццу и Корсику, испанскую Наварру, немецкие Эльзас и Лотарингию; кроме того пыталась включить немецкие же Рурскую и Саарскую области. Полки Наполеона I промаршировали: на Запад в Испанию, на Восток в Италию, Черногорию, Австрию, на юг до Нила, на север до Москва-реки. С 1800 по 1918 г.г. Франция пять раз сразилась с Германией: оборонительно один раз, а остальные разы либо ради властвования в Европе, либо ради реванша. Лицемерно проповедуя свободу, равенство и братство, она не хотела включиться в деколониализацию, ставшую потребностью всех континентов и, владея в Индокитае древними государствами, как Камбожда, торговалась с ними еще в 1953 г. о даровании им автономии, пока победа вьетнамцев не заставила французов бежать из Индокитая, ставшего независимым. Цепок и упорен империализм Франции.

Италия, тоже числившаяся в группе Великих Держав, только потому не стала велико-империалистичной, что итальянцы, умея многого желать, не умеют добывать желаемое, так как не умеют, не любят воевать. Но Италия, как тесто: чем больше бить, тем лучше всходит. Была бита в Первую Всемирную войну и получила под свою власть словенские Коруску и Крайну, далматинский Триест и острова подле него; была бита во Вторую Всемирную войну и получила Бренер, где утесняет, обитальянивает тамошних австрийцев, как обитальянила — принудительно, насильственно — словенцев и далматинцев. Империалистические замыслы Италии были велики: Средиземное море — *Mare Nostrum*. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней — оно было римским в века великого Рима, но не может стать итальянским, потому что итальянцы не римляне. Все же в пределах этого моря итальянский империализм разжился Либией, попользовался Додеканезскими островами в Эгейском море и Албанией, обжегся на Греции. Итальянский империализм протянул свою руку до Абиссинии, схватил Эритрею и Сомали. При отсутствии колонизаторских способностей Италия хотела стать колониальной империей.

Вопреки империалистической логике домогалась Додеканеза, географически ближайшего Турции, а этнографически соплеменного Греции; вопреки империалистической совести хотели овладеть Грецией.

Итальянский империализм стоял на ходулях мегаломании; Французский — на жадности и лицемерии; британский — на твердой уверенности, что английский народ стал (взамен отверженного иудейского) избранным народом. Ярким примером безмерной империалистической жадности служит польский государственный лозунг „От моря до моря”. Не довольствуясь тем, что создававшаяся в 1918 г. Польша имела в своем составе поляков немного больше, чем не-поляков, поляки в 1921 г. захватывают Верхнюю Силезию, в 1922 г. — Вильно, в 1938 г. — Тешенскую область. В 1920 г. идут походом на Киев, считая свое давнее и весьма спорное владение над Украиной достаточным основанием для включения в свои границы Малороссии с десятками миллионов людей не-польской крови, не-польской веры, не-польской культуры. В империализме Варшавы не было ни империалистической логики и совести, ни просто логики и совести. В XX веке с его всевозможными свободами, в том числе религиозной свободой, польский империализм был средневековым с соответствующими политическими утеснениями и религиозными гонениями в стиле Инквизиции.

Империалистический захват поляками земель соседних народов не был новшеством в сварливой Европе, не был новинкой для драчливых европейцев. В века колонизационной горячки Испанцы в Индонезии резали португальцев, а англичане — тех и других. В Европе всех веков империализм больших и малых народов создавал геополитические нелепости, военные кровопролития, политические утеснения. Пруссия с помощью Австрии отхватила южную часть Дании; Франция и Германия тянули каждая в свою сторону Эльзас и Лотарингию. Об империалистических нелепостях Версальского договора с негодованием пишет в своей книге Ф. Нитти. Капитулировавшей в 1945 г. Германии навязаны новые нелепости. На протяжении веков в дипломатической жизни Европы не было ни одного момента, не обезображенного чьим либо

нелогичным или бессовестным империализмом (впрочем, Венский Конгресс принял, по настоянию Русского Императора, решения достаточно разумные и честные, чтобы на полвека обеспечить воинственной Европе мир).

На Азийском континенте появился высокотемпературный японский империализм. Он был логичен: его оправдывала скученность населения, появившаяся, когда в минувшем столетии отменили вековой *Numerus clausus* (нормирование числа деторождений для каждой из областей островного государства). Лишь только в середине XIX в. Япония сделала скачек от недвижности древнего шогуната к динамике современного государства, она принялась империалистничать: в 1894/5 г.г. отбирает у Китая Формозу и Ляодун (впрочем, его отминает у нее Россия), в 1904/5 г.г. побеждает Россию, берет половину Сахалина, устанавливает протекторат над Кореею; в 1910 г. аннексирует Корею; в 1914 г. отнимает у Германии ее порт в Китае Вей-Хай-Вей; потом присоединяет к себе Манджурию и ведет длительную войну против Китая. Во время Второй Всемирной войны провозглашает лозунг „Азия для азиатов”, который в японском сознании звучал, как „Азия для японцев”. Не надо думать, что стратегический размах Японии в той войне от Бирмы до о. Гуам и Новой-Гвинеи равнозначущ ее державному аппетиту, но если он равнозначущ, то не логично было бы создание исполинской империи со включением в нее не только европейских колоний (Индонезия, Индокитай, Бирма), но и самостоятельных государств (Филиппины, Сиам). Сиам, никогда не поддавшийся империализму-колониализму Англии и Франции, не должен был бы быть предметом вожделения Японии, если бы она руководствовалась империалистической совестью.

Демонстрирование коллекции разнородных империализмов не было бы достаточно полным, если бы не сказать об империализме США. Американцы создали империю*) и не позволяют себе в этом признаться; империя эта необыкновенно империалистична, но американцы этого не сознают.

---

*) И без императора государство может быть названо империей, если оно распространит свою власть на народы и государства.

Сперва империализм их республики был нормального, общераспространенного характера, но лишь с динамичностью, присущей стране неограниченных возможностей. Основные штаты (числом 13), отделившиеся от Англии в 1783 г., в первые 7 десятилетий существования республики увеличили свою территорию в 7 раз. Племенные объединения сиу, шононов, кэддо, ирокезов и т. д. не были государственными образованиями и потому овладение этим вакуумом не противоречило логике империализма. Совести его противоречило истребление основного населения континента, индейцев. США двинулись на юг и на запад и территория государства стала в 14 раз большей, чем основная. Было ли логичным и совестливым отобрание земель у иных колонизаторов (французов, англичан, испанцев) и завоевание огромных пространств Мексики, самостоятельного государства с 1824 г.?

Под конец XIX в. янки становятся на рельсы колонизации и распространяют свою власть на Филиппины (1886), Гавай (1888), Самоа (1889), Кубу (1898), Порто Рико (1898), Панамскую зону (1903), Гаити (1907). Впоследствии были отступления, уход из колоний (Куба, Филиппины), но из истории США нельзя вычеркнуть динамичный колонизационный период, реальное проявление американского империализма. История эта кажется американцу мирной и миролюбивой, в противоположность (думает американец) истории любого европейского государства, всегда воинственного. Но сравнительно молодая Держава США много раз слала свои войска и флот в завоевательные походы: в 1813 г. к Мексиканскому заливу, в 1818 г. на Флориду, в 1845-6-7 годах на Мексику; в 1898 г. война против Испании, в 1917 г. против Германии, в 1941 г. против Германии и Японии.

Две всемирные войны и победы сделали империализм США особенным, на прочие империализмы не похожим. Во времена президента Вильсона появилась для одних янки мысль, для других мечта, для третьих мания: XX век должен быть американским! Американская конституция — лучшая в Мире, американский социальный порядок — лучший в Мире, американское реалистичное, материалистичное мышление — лучшее в Мире, американский стандарт — лучший

в Мире (из всех этих превосходств, только последнее бесспорно), а потому весь Мир должен подняться к американскому стандарту, перенять американские формы жизни, усвоить американское мышление, организовать общественную жизнь по американскому образцу, провозгласить всюду конституцию, скопированную с американской. Во времена президента Трумана, в победном ликовании американцы думали: будет мир, мы будем мощны, мы должны иметь волю для борьбы за свои принципы — мы должны решить, чего мы хотим? и решить, как мы это хотим получить? Труман и Айзенхауэр решили: помощь развивающимся нациям, опека над воинственными и революционными нациями. Кеннеди решил глубже: альянс для прогресса. Джонсон решил еще глубже: Великое Общество на Земле.

Таков империализм нынешних США и нынешнего янки. Империализм этот не эгоистичен, он не имеет целью захват территорий или накладывание административного ярма на народы. Он не противоречит империалистической совести. Но в своем альтруизме он весьма жесток: стремится души народов и людей переделать на им облюбованный, американский лад. В этом его противоречие с логикой, с законом естества. Природа поделила людей и народы на множество типов, видов, категорий. Африканский негр, банту, кафр не имеют понятия о добре и зле, о справедливости, они не в состоянии думать о своей завтрашней полезности и руководствуются лишь сегодняшней пользой; конституция, социальный порядок не могут быть у них ни устойчивыми, ни обязательными. Южно-американец не любит делать длительные, систематические усилия: тягостно каждую вещь класть каждый раз на принадлежащее ей место — легче бросить ее, куда попало и, при надобности, поискать ее; тягостно неуклонное соблюдение закона — гораздо легче стряхивать с себя затруднения, если закон иной раз напомнит о себе. Есть народы, привыкшие к тому, что их государственный порядок строится на бакшише, и уверенные, что без взятки жизнь была бы сложна. Есть народы, климатом обреченные на лень (арабы) или на медлительность (финны) — для них был бы мучителен переход к американской личной, деловой, общественной, государственной динамике. Со всем

этим не считается американский империализм, сулящий человечеству — ни больше, ни меньше, чем человечеству! — свободу жизни и закабаление сознания американским разсудком и предрассудками.

Каждый империализм уверен в своей правде и в своем праве и для него многие иные империализмы противны правде и праву. А всем империализмам был, есть и, вероятно, будет невыносим империализм русский, Российский, потому что не знают и не желают знать, что он ближе к праву и правде, нежели многие другие империализмы.

ГРЕХИ И ПРАВЕДНОСТЬ РОССИИ

Все мы, при оценке отечественного прошлого, делимся на Щедриных, для которых история России это „История города“, и на Загоскиных, которые нашу страну идеализируют в стиле „Юрия Милославского“. Но попытаемся без сатиры или сусальности глянуть на жизнь нашей Державы и определить характер ее империализма.

Отрицание существования Российского империализма было бы равнозначущим утверждению, что великий наш народ прожил века на манер готтентотов или эскимосов, жизнью ровной, плоской, без подъемов и падений, не ощущая, не сознавая своей силы и величия, не чувствуя назначения, Судьбою ей указанного, и не стремясь к осуществлению этого назначения. Назначение Русского народа — триединого и в славянстве единственного гениального — состояло (надо полагать) в создании на основе Божьей Правды, выраженной в Православии, многонародного, многоплеменного, многовероисповедного государства, в котором восточная часть Европы соединилась с западной частью Азии и стали Евразией со своеобразной культурой и духом, отличным от западного и от восточного.

Здоровый, крепкий, полный творческой энергии организм Московской Руси не мог не расти, как растет все жизнеспособное. Русь-Россия росла на восток. Одолев татарские ханства, подойдя к Становому хребту Уральскому, она оказалась перед исполинской сибирской пустотой: мощная природа, ничтожное население и отсутствие государственных организмов. Уже в XIV в. новгородцы бывали за Уралом, доходя до Оби; в конце XV в. воеводы Ивана III покорили Югорскую и Пермскую Земли до реки Обь; в конце XVI в.

отряд Строгановых (под командой Ермака) пошел на р. Иртыш, где существовало грабительское ногайское ханство Сибирь. С покорением этой маленькой Сибири вся необъятная Сибирь оказалась у ног царя: любознательные землепроходцы, предприимчивые торговцы и рачительные администраторы, не встречая серьезного сопротивления (за отсутствием в тех краях способной к сопротивлению силы), постепенно продвигали на восток границу России. Это шествие России к востоку, к Великому океану совершалось с тем же правом, с каким Соединенные Штаты Америки шествовали к западу, к тому же океану. Разница только в том, что мы ни одного племени не уничтожили и с подпавшими под нашу власть племенами и их князьками поступали, как с себе равными. Пример: в начале XIX в. к Якутску подошел, кочуя со своими стадами, якутский князек Капша и потребовал, чтобы губернатор явился ему; губернатор справился с инструкциями из Петербурга, надел парадную форму и поехал представиться к князьку, который таким образом настоял на своих правах, полученных от Белого Царя. Овладевая Сибирью, мы не создавали колоний, как делали всюду европейские государства, но мы создавали губернии, распространяя на новые земли все блага и права и тяготы наравне с исконными областями России.

Идя на восток, Россия поглощала территории и неорганизованные племена, ни одного государства (кроме Кучумовой Сибири на Иртыше) не разрушила — как разрушали колонизаторские государства, захватывая части Азии. У Амура Россия соприкоснулась с Китаем, занявши огромную Амурскую область. В 1789 г. Россия эту область уступила Китаю, а в 1858 г. Китай уступил России. Уссурийский Край, где власть Пекина была номинальной, богдыхан также уступил России. Меновая сделка с Японией дала России юг Сахалина взамен Курильских островов. Финансовая сделка упразднила заокеанские владения: за 7 миллионов долларов была правительству в Вашингтоне продана драгоценная Аляска. Русскую границу перебросили через Берингов пролив предприимчивые русские зверобои и торговцы, но на берегу Невы сознавали, что нет империалистической

логики в распространении Российского государства за океан. В этом проявилась одна из характернейших черт российского империализма — он не разбрасывался, как британский, не брал землю на том лишь основании, что она „плохо лежит“. Державно-логична была русская экспансия. Когда король Гавайских островов выразил желание стать под протекторат Белого Царя, то ему в том было отказано, за бессмысленностью такого расширения российского влияния или власти. Санкт-Петербург выслал (1741-1829 г.г.) несколько морских экспедиций для открытия новых земель и научного их изучения. Беринг и Чириков, Беллинсгаузен и Лазарев, Крузенштерн и Лисянский, Коцебу весьма обогатили географию, но ни одним метром территории не обогатили России. В Южном Ледовитом океане русские моряки открыли и занесли на карту десятка два островов, давши им названия по именам героев Отечественной войны (1812 г.) или по названиям битв этой войны; затем пришли англичане и иные мореплаватели, водрузили на этих островах свои национальные флаги и дали островам свои английские и другие наименования, не только овладев тем, что открыли русские, но и стерши следы русских географических открытий в далеких океанах.

С выходом на берега Японского и Охотского морей, принадлежавших к водной системе Тихого океана, не была решена проблема огромнейшего государственного значения — проблема выхода к океану, к океанским торговым путям: Россия не могла на приобретенных берегах создать незамерзающего порта. К несчастью для нашей Родины, не было обращено внимания на то, что в сотне километров к югу от Владивостока лежит бухта, зимой незамерзающая и имеющая все данные для превращения в большой порт (что впоследствии и сделали японцы). Не трудно было бы сговориться с Кореею об уступке нам этого клочка земли и тогда Россия не кинулась бы в роковые авантюры: не отобрала бы у Японии полуостров Ляодун (завоеванный ею у Китая) с Порт Артуром, не оказалась бы поэтому объектом непримиримой враждебности японцев, не была бы втянута в соперничество с Японией в Корее, не спровоцировала бы Японию, увидевшую в постройке города Дальнего, в

укреплении Порт Артурской крепости и в появлении русских на реке Ялу достаточно причин и поводов для пресечения русского империализма. За это отступление от всегда совестливой и логичной империалистической дипломатии Россия была наказана Японской войной.

Упрекают Россию в захватнических действиях и в направлении юго-востока, Туркестана и Кавказа. В Туркестане существовали три мусульманских ханства, Кокан, Хива и Бухара, державшиеся своих средневековых обыкновений: они нападали на русские пограничные области и уводили невольников. Ради обороны Россия поселила между Уралом и Каспийским морем казачье войско (Яицкое-Уральское), но этого было мало и необходимо было искоренить зло уничтожением центров зла — разбойничьих ханств. (К сознанию такой необходимости никак не приходит Запад, угрожаемый со стороны коммунистических Москвы и Пекина). Петр Великий начал в первые годы XVII в. то наступление на Туркестан, которое потом систематически развивалось от Сибири, от Урала и от Каспия; в последней трети XIX в. три ханства были присоединены к России, ханам дарован почет и номинальная власть, населению — освобождение от воинской повинности и иные льготы, какими не пользовались и основные жители Империи. Это создало в Азии такую славу Белому Царю, что жестоко угнетаемые племена Индии с надеждой повернули свои взоры к далекому Петербургу, что чрезвычайно встревожило Лондон. Он вспомнил, что при императоре Петре I был предпринят поход в Индию (это не был поход на Индию, а лишь военный конвой для следования через буйные страны Туркестана и Афганистана в целях установления торгового пути в Индию); Лондон вспомнил, что император Павел, взбешенный извещением о бедствиях русского армейского корпуса, по просьбе Англии посланного им в Голландию против революционной Франции и оставленного англичанами без помощи и продовольствия, — приказал Донскому войску по тревоге подняться и немедленно идти на Индию (этот сумасбродный приказ привел бы войско к гибели в песках Закаспия и никакой угрозы Индии и Англии собою не представлял). Вспомнила это Англия и вот впервые в веках своего расширения по Азии Россия столкну-

лась с европейским государством. Мы остановились на границе Афганистана, а англичане прирезали Афганистану хвостобразную полосу в горах Индукуша, чтобы не было соприкосновения между таджиками (Россия) и кашмирцами (Индия). Дипломатическое столкновение произошло также и из-за Персии: это была единственная с Россией соседняя страна, в которую мы могли экспортировать свои товары, не вступая в конкуренцию с иными Великими Державами; но Лондон воспротивился экономическому проникновению русских в страну шаха и взволновался, когда на шахском престоле оказался русофил; после острых переговоров Лондон и Петербург поделили сферы влияния в Персии.

Англия ссорилась с Россией, а российский империализм не ссорился с империализмами Великих Держав. Эти последние ссорились между собою не раз (из-за Фашоды, Танжера, Таку, Эритрери и т. д.). Англия помогала Турции помогать кавказским горцам в их борьбе против России. Завоевание Кавказа началось в 1722 г. походом войск Петра I на Баку. Великий царь надеялся получить возможность открытия торгового пути в земли пряностей (Индия и др). Через 200 лет Россия благодарила Петра за этот поход, давший ей нефть (гениальный Преобразователь предвидел, что бакинская „горячая вода” будет иметь значение для промышленности). Открывание торговых путей силою — не российская империалистическая специальность: пушками открывали Великие Державы двери Китая („концессии”); его ворота открыли англичане „Опиумной войной”; залпы американской эскадры адмирала Пирри в японской бухте открыли торговле США путь в страну Восходящего Солнца.

Россия овладела Кавказом потому, что христианская Грузия, защищаясь от мусульманских Персии и Турции, искала уже в XVI в. опоры у православной Руси; усилившийся нажим со стороны азиатов побудил Грузию в 1873 г. стать под формальное покровительство России, а в 1801 г. присоединиться к Северному Великану. Но ее отделяют от России воинственные горские народы, которые своими нападениями беспокоили казачьи области на Кубани и Тереке. Пришлось в 1825 г. приступить к систематическому покорению гор и

горцев, фанатично („газават“, священная война) боровшихся против „гяуров“ (неверных); лишь в 1864 г. закончилась эта война на „погибельном Кавказе“. Французы быстро покорили рифанцев в их горах — помогли танки; англичане еще быстрее справились с арабами в юго-восточной части Аравии — помогли самолеты с бомбами. На рифанцев и арабов было наложено колониальное ярмо, а Россия дала горцам Кавказа все права, 200 тысячам чеченцев, не пожелавшим покориться, разрешила уйти в Турцию. Мы поступили мягче англичан и французов — таков наш империализм. Одной из особенностей его было то, что он ложился на территории, а не на государства, на племена, а не на нации, на примитивных, а не на культурных. Французы же, например, завоевали Индокитай, где с IV в. существовало культурное государство камбоджа; англичане овладели Индостаном с его тысячелетней культурой и веками существовавшими государствами (Гунта — IV-VII в., империя Великих Моголов — XV-XVI в., Маратские княжества — XVII-XVIII в.).

Наиболее порочным (по мнению европейцев) проявлением российского империализма было вековое стремление овладеть Константинополем. Россия владела Русским (Черным) морем, но ключ от выхода из этого моря к путям мировой торговли был в руках Отоманской Порты, которая замыкала Босфор не только в военное время, но и в мирное (под предлогом карантина). Если Англия держала в кармане своего флота и войска ключи от Гибралтара, Порт-Саида, Адена, Синганура, то предосудительно ли было желание России владеть только одним морским коридором — Босфором? И если версальские мудрецы признали за маленькой Польшей право на обладание выходом к Балтийскому морю, то как не признать прав России. Она при Петре I вышла к морю Вряжскому (Балтийскому), а при Екатерине II — к морю Русскому (Черному). Екатерина захватила земли (названные Новороссиєю) у захватчика-Турции. Петр захватил земли (Прибалтику) у захватчика-Швеции. Отнять у тиранического захватчика и установить в отнятых землях закон, справедливость и порядок — предосудительно ли это? Император Александр I продолжил дело Петра и отнял у шведов землю финов: отобрал у угнетателей и в 1809 г. да-

ровал финскому народу вольность и парламент, какие лишь в 1905 г. получил от Императора Николая II русский народ.

Еще великодушнее поступил Александр I в отношении той части Польши, которая было оккупирована Екатериной II: было образовано как бы федеративное государство, Царство Польское с особой армией и с двухпалатным сеймом, наместником был назначен государев брат. Уверяют, впрочем, что Александром не искуплен империалистический грех Екатерины. Как велик этот грех? Три раздела Польши были вызваны тремя причинами: постоянными волнениями в Польше, где буйно властвовала безначальная шляхта (это, собственно говоря, соседей не касалось); утеснением в Польше не-польских, не-католических, не-униатских меньшинств (это больше всего касалось русского народа, страдавшего за своих православных братьев в национально-шовинистической и религиозно-фанатической Польше); революционным движением в Польше на манер французского, свергнувшего Людовика (это касалось и волновало Пруссию, Австрию и Россию). Польша была так грешна, что раздел ее не был великим империалистическим грехом, а на Россию приходится лишь треть этого греха — две трети легли на Пруссию и Австрию.

Финляндским и польским случаями — двумя за тысячелетнюю историю России — ограничиваются агрессии русского империализма в сторону Европы. Но десять раз русские войска шли в Европу ради Европы и по просьбе Европы. Помогая Австрии, Россия воевала против Пруссии (1757-61 г.г.). Помогая Австрии, Англии, Пруссии и прочим германским землям, Нидерландам, Италии, Испании, Россия воевала против революционной Франции (1805-07, 1812-14) в Германии, Австрии, Нидерландах, Италии, Швейцарии, на Средиземном море. Спасая Австрию, подавила войском венгерское востание (1849 г.). Спасая греков от турок, угнетательницы сербов, болгар, греков, румын, черногорцев, воевала пять раз (1768-74, 1787-91, 1806-12, 1877-1878). В начале этого века войском выручала критян, а затем македонцев — по просьбе Великих Держав. В 1914-17 г.г. воевала, защищая Сербию, и в этой войне спасла в 1914 г. Париж, а в 1916 г. Верден и разгромленную Италию. За 156-тилетний

период (1761-1917 г.г.) благотворительно воевала ради Европы 39 лет — это составляет 25 % периода. Европа отблагодарила прозвищем „Жандарм Европы”, походом „двадцети язык” на Москву (1812 г.), Крымской войной (1853-55 г.г.), появлением английского флота (1878 г.) у Босфора для воспрепятствования входа победительных русских войск в Константинополь и Берлинским конгрессом, отнявшим у России плоды ее победы над турками.

Российские войска побывали в Стокгольме, Познани, Бреслау, Берлине, Милане, Турине, Цюрихе, Кремсе (подле Вены), снова в Берлине, Брюсселе, Гааге, Лейпциге, Дрездене, Эрфурте, Веймаре, Париже, Бухаресте, Будапеште, Адрианополе; флот под Андреевским флагом бросал якоря у Чесмы, в Венеции, Неаполе, Генуе, Катарро, Дубровнике, Палермо (и в Египетской Александрии); спасши тех, кого пошли спасать, войска и флот уходили на Родину, не добывши для нее ни земли, ни моря. Единственной добычей была полоска между Днестром и Прутом (Бессарабия). Для сравнения: не воевавшая в 1877-8 г.г. Австрия получила Боснию и Герцоговину, а проливавшая в ту войну кровь своих солдат под Плевной Россия не взяла ни клочка балканской земли. Больше того: победив турок в войнах, освободивши балканские народы, Россия допустила, чтобы на троны в Греции, Болгарии, Румынии сели не русские князья, а германские принцы. Таков был империализм России.

ИЗ-ЗА СССР МИР БЕЗ МИРА.

Бог безгрешен, а между грешниками и праведниками разница только в пропорции греха и праведности. Это верно в отношении людей и народов. Россия, несмотря на несколько империалистических грехов, была недалеко от праведности, в то время как многие народы, изображающие себя праведными, очень близки к империалистической греховности.

Суждения о России всегда были ошибочны или ложны. В огромном большинстве исторических случаев она применяла свою силу для облегчения участи тех, кто просил у нее помощи, свет же видел, чувствовал ее силу и боялся ее, потому что самопожертвованные усилия принимал за варварское насилие, как ее консерватизм принимал за реакционность, ее миролюбие за интригантство.

Интриги той Анти-России, которая водворилась на территории России, насилия коммунизма, анархичность большевизма считают продолжением того, что приписывалось и приписывается царизму: лукавство дипломатии, агрессивность „военной клики“^{*)}, дикость народа. Анти-Россию упорно называют Россиею для того, чтобы все пороки СССР казались отвратительными свойствами Руси и чтобы поэтому никто не желал возрождения Руси.*)

О СССР, о коммунизме, об их империализме можно сказать много и сказанное подкрепить сотнями цитат из осново-

---

*) Когда Персия назвалась Ираном, все стали ее называть Ираном; когда Иран возвратился к старому наименованию, Персия, все именуют Персией. А РСФСР и СССР на протяжении почти полувека называют Россией.

положников Маркса и Энгельса, из практиков Ленина и Сталина, из доктринеров Бухарина (отзвучавшего) и Суслова (еще звучащего), но можно ограничиться двумя ссылками на речи 1966 года:

Косыгин: национальные освободительные войны — справедливые войны и они будут возникать до тех пор, пока существует угнетение наций империалистическими силами;

маршал Малиновский: сосуществование это только пауза, которая нужна СССР для накопления сил (всемирной революции).

Империализм СССР во многих отношениях глубочайшим образом отличен от империализма России, но существеннейшая разница в том, что Россия в своем державном и народном идеале хотела светить Миру Божьей правдой, а СССР хочет властвовать Миром способом Марксовой неправды.

Из всех империализмов ближе всех стоит к советскому североамериканский (с этим никогда не согласится в США), потому что он тоже хочет мирового властвования. Разница же в том, что коммунизм — диктатура, а американизм — Великое Общество на базе свобод и содружества, мира и благосостояния. Может быть американизм даст человечеству то, что обещает, даст МИР, но коммунизм дал бы только кровь и слезы, голод и рабство, т. е. дал бы НЕ-МИР.

Прав был Франческо Нитти, когда писал, что Версаль дал не-мир. Но итальянец думал, что несправедливость „тигра“ Клемансо в отношении побежденной Германии ведет к не-миру. Он заблуждался: эта несправедливость сама собой постепенно выправлялась, выдыхалась, а неразумие наивного Вильсона в отношении русского народа держит до сего дня весь Мир в состоянии не-мира. Если бы версальские умники послушались генерала Фоша и позволили вооруженной рукой изгнать из Московского Кремля Ленина со товарищи, то была бы Россия и был бы в Мире мир. Но они не вступились за своего несчастного, но верного союзника, за Россию, и поступили по наставлению Вильсона: добровольное сотрудничество всех наций с Советами... искренняя го-

товность оказать им всяческое содействие... с проявлением разумной и безкорыстной симпатии...

Поступают по завету президента США: симпатизируют, содействуют, сотрудничают с СССР, а потому — Мир без мира.

Часть 3

ВОЙНЫ РОССИИ

1 ФЕНОМЕН ВОЙНЫ

Военная история, рассмотревши события минувших трех тысячелетий, исчислила, что в мире каждые два года происходила война. Речь идет о войнах большого формата, а не о стычках феодалов, о местных восстаниях или набегах племен на территории соседей. Нельзя считать, что этот высокий средний вывод — 1 война каждые 2 года — получился вследствие обилия войн древности, когда не было культурности последних веков: христианство способствовало смягчению военных жестокостей, рыцарство и наследовавшее его дух офицерство до известной степени облагородили войну, а гуманизм с его стремлением войнами достичь вечного мира, свел войну до Атилловой концепции (и даже хуже: Атилла истреблял, но части побежденных дарил жизнь, превращая их в рабов, а атомное воевание ввело всеуничтожение) — словом, культурность изменяла характер войны, но заметно уменьшения количества вооруженных конфликтов, по сравнению с древнейшими эпохами, не дала.

Если феномен повторяется с такой настойчивостью на протяжении тысячелетий, то его надо считать естественным, природным: по какой то причине время от времени то тот, то иной народ охватывает охота или потребность взяться за оружие и против этих ураганов воинственности бессильны увещания миротворцев, воздействие Церкви, Лиги Наций или Организации Объединенных Наций. Так точно естествен повторяющийся в человечестве закон одряхления наций и исчезновения культур.

Война — естественный феномен. Пацифизм же — не естественный. „Чем больше сговариваемся, тем больше разь-

единяемся", — сказал генерал Кутепов о Зарубежье. Чем больше пактов Келлога или Бриана, чем больше конференций миротворческих, тем больше войн. Пацифизм, как и жизненный комфорт народа, вредны — оба размягчают характер народа, делают государство-народ изнеженным и к успеху в борьбе нации за существование неспособным.

Если без пацифистской предвзятости рассматривать историческое прошлое государств, то во многих случаях отпадут модные сейчас обвинения в империализме на протяжении истории, в агрессивном духе народа. В отношении России эти обвинения отпадут с легкостью: логика исторических фактов и обстоятельств говорит в пользу нашей Родины, если разумно рассмотреть причины, цели войн, какие она вела. Советами измышленное деление войн на справедливые и несправедливые абсурдно: едва ли можно найти в истории мира случай, когда бы народ затеял войну, не создав в своем сознании убежденность в её справедливости. Справедливость бывает обоюдоострой, бывает растяжимой. Салазар считал справедливым владеть Гоа, кусочком Португалии на берегу Индийского океана (460 лет владения), а Неру считал справедливым силой оружия взять Гоа. Евреи считают справедливым, что возвратились в Палестину, где жили 17 веков, а арабы считают справедливым уничтожить Израиль и возвратиться в Палестину, где они жили с 636 по 1948 годы — 13 веков.

Примем другой критерий для оценки войн. Войны ведутся: 1) РАДИ ЧУЖОГО (ради захвата чужих земель), 2) РАДИ СВОЕГО (ради возвращения временно отпавших земель или ради обороны своего от чужеземного захватчика), 3) РАДИ ДРУЗЕЙ (ради помощи им, по их просьбе). По этим категориям поделим те 66 войн, которые вела Россия с того времени, как стала Россией (Великий князь Иван III окончательно сверг татарское иго и его первый Российский поход состоялся в 1471 г.) и по то время, когда перестала быть Россией (1917 г.). 66 войн за 446 лет. Но она имела соседями: Швецию, Литву, Польшу, Германию, Австро-Венгрию, Турцию, Румынию, Кавказ, Персию, Кокан, Хиву, Бухару, Китай, Японию, а Соединенные Штаты, имея на границах лишь

океаны и Мексику, воевали 15 раз за 2 века.*) Почти все войны США относятся к категории „ради чужого“, войны же России были трех категорий.

II ЧЕТЫРЕ ВОЙНЫ „РАДИ СВОЕГО“

Естественно и необходимо было Москве присоединить к России те осколки Руси, на какие разломал Землю Русскую удельный период. Великий Князь Иван III предпринял поход на Новгород, нарушивший присягу быть послушным Москве и ставший под руку Польского короля; понеся поражение, Новгород вновь обязался быть верным Москве и вновь оказался не верным; поход 1475 г. навеки присоединил Новгород к России. Тверской князь заключил военный союз с Литвой, чтобы сохранить свою самостоятельность (результат удельных междоусобиц) и был в 1485 г. побежден Иваном. Вятка (Новгородская земля) не пожелала разделить участи Новгорода — Москва её в 1489 г. принудила к покорности; объединение Русской Земли было завершено.

После воцарения Михаила Феодоровича Романова не успокоились участники Смутного времени — казаки „воровские“ и черкасы (малороссийские казаки), и польские банды во главе с Лисовским и другими: они доходили, грабя, до Москвы и даже до Белого моря. Военными действиями 1613-4 гг. Москва восстановила безопасность своих территорий.

Все эти четыре войны (пять походов) относятся к категории „ради своего“.

III ВОЙНЫ ПРОТИВ ТАТАР

Исполнилось древнее предсказание: татары потеряют силу, если кибитку сменят на дом. Построили города Сарай-

---

*) 1763 против Франции (Канада); 1774-83 война за независимость: война-истребление индейцев; 1812 против Испании; 1818 захват Флориды; 1845-8 против Мексики; 1891-65 Сецессионная; 1898 Испанская; захваты Филиппин, Кубы, Гаити; 1-я и 2-я Всемирные; Корейская; Вьетнамская: — итого 15. Россия же за своих 2 последних века, окруженная враждебными соседями, воевала 25 раз. Великобритания воевала сотни раз, если учесть походы ее войска для усмирения восставших в Индостане.

Берке, Казань, Хаджи-Тархан (Астрахань) и распалась Золотая орда, а завоевательная мощь выродилась в грабительские набеги на Русь. Оберегая русское, Иван III воевал с казанцами; воевал с ними и Василий III. А ордынский хан Ахмат ходил войной на Москву в 1472 и в 1480 гг. Иван IV понял: чтобы защитить своё, русское надо взять чужое, татарское, и он пошёл завоёвывать Казань (первый поход победы не дал, вторым походом, 1552 г., Казань была взята). Потом воевал с Астраханью и взял её (1556 г.). С грабительским Крымом Россия разделалась лишь в XVIII в. В 1591 г. Крымский хан дошёл до Москвы, а после этой войны было бесчисленное множество набегов: русских девушек продавали на рынках Средней Азии и Ближнего Востока, русские невольники были гребцами на военных галерах турецкого султана, египетского хедива и даже короля Франции.

В 1659 г., когда Малороссийский гетман Выговский восстал против Москвы, крымские татары помогли войску казачьей старшины нанести русской армии тяжелое поражение у Конотопа. После этого Царевна София повела войну против Крыма (походы 1687 и 1689 гг.), но Перекопский вал оказывался непреодолимой преградой для русского войска.

Перекопье не остановило фельдмаршала Миниха (1736 г.) и Крым был разорён. В 1783 г. без войны Крымское ханство перестало существовать: распри в ханской династии побудили татар просить о приходе русского войска, хан Шахин-Гирей поехал в Россию, Крым стал русским под именем Тавриды. От страшного дня битвы на Калке прошло 560 лет и татарской опасности не стало.

В 1472-80 и в 1591 и в 1659 гг. Россия воевала с татарами обороняя „свое”; Иван III, Василий III и Софья наступали 3 раза ради обороны, „своего”; три войны — Казанская, Астраханская и Крымская (Миних) — были нападательными ради радикальной защиты „своего”.

IV ПОТОМКИ ВИКИНГОВ И РОССИЯ

Набеги викингов на Европу прекратились давно, но дух викингов не угас в Скандинавии: шведы воительствовали

на берегах Балта. В 1301 г. они ворвались в устье Невы, а затем отняли у Новгорода его Водьскую пятину, прилегавшую к берегу Финского залива.

Иван IV хотел вернуть России „свое”. В Ливонской войне, которая тянулась от 1558 до 1583 г. счастье было изменчивым и царь потерял основанный им Ивангород, как и города Ям, Копорье, Орешек и Карелу. Царь Федор воевал успешнее и освободил от шведов эти города. В Смутное время шведское войско овладело Новгородом (1610 г.); царь Василий Шуйский уступил им Финское побережье; Густав-Адольф осадил Псков (1615 г.); война эта закончилась в 1617 г.: царь Михаил получил обратно Новгород, но не побережье. Безуспешной была война царя Алексея (1655 г.) — ничего отвоевать не удалось. Примечательно, как настойчиво Россия добивалась возвращения ей Балтийского берега: ведь Русь могла торговать с ганзейскими городами, когда Новгород обладал этим берегом. Петр I взялся за это дело с титанической энергией: то наступательно, то оборонительно воевал он с Карлом XII два десятилетия (1700-1721 гг.), отвоевал „свое” (новгородское), завоевал „чужое” — Ревель, Ригу и Финляндию (впрочем Финляндия, как чужое-ненужное, была возвращена шведам).

Следующую войну со Швецией Россия вела при императрице Анне: пришлось оборонять Прибалтику от шведов (1741-43). В 1788-90 гг. Швеция снова нападала, пользуясь тем, что войско России воевало против Турции; шведский флот пытался прорваться к Петербургу, но был отбит русской эскадрой; шведские войска угрожали Российской столице из Финляндии. Россия оборонялась и закончила войну в ничью.

Отместка за эти нападения последовала в 1808 г. Александр I был в союзе и дружбе с Наполеоном I; последний требовал, чтобы Швеция приступила к „континентальной системе” (которую Бонапарт создавал для нанесения ущерба Англии); шведы отказались и Александр был вынужден, по желанию Парижа, объявить войну Швеции. Разбитые в нескольких боях шведы были вытеснены из Финляндии; отряды генералов Багратиона и Кульнева совершили беспримерный в.

военной истории маневр: по замерзшему Балтийскому морю перешли на Аландские острова, а затем и в Швецию*) и принудили Стокгольм к миру. Эта война „ради друзей” превратилась в войну „ради чужого” — Россия присоединила к себе Финляндию (впрочем, это „чужое” было „чужим” и для Швеции, силою владевшая чужеродным ей финским народом).

Если вместе с Пушкиным русско-польские конфликты считать „старым спором славян между собою”, то захват Финляндии Россией является единственным в истории случаем агрессивности её в отношении Западной Европы. Немедленное дарование Великому Княжеству Финляндскому автономии с сеймом и иными преимуществами, какими не пользовались в ту эпоху российские граждане, облагораживает эту „агрессию”, но её надо считать вполне оправданною тем, что невозможно было терпеть присутствие всегда склонных к нападению шведов в нескольких десятках километров от столицы. С утратой Финляндии шведы угомонились.

В борьбе со шведами, длившейся 250 лет, Россия 4 раза оборонялась „ради своего”, 4 раза наступала „ради своего” и только 1 раз „ради чужого” (да и то войну начала „ради друга”).

V СПОР СЛАВЯН МЕЖДУ СОБОЮ

„Литовский князь Гедимин именовал себя королём литовцев и русских. В его время две трети Литвы состояли из русских земель, которые Гедимин подчинил себе, тем самым освобождая их от татарского ига или от угрозы игом. Литва и Гедимин обрусели и он счел себя вправе называть Государем всея Руси. При его сыне Ольгерде уже вся Южная и Западная Русь были в Литве. В середине XV в. граница Великого

---

*) Этот удивительный случай действия сухопутных войск на море можно, пожалуй, уподобить атаке, которую в 1399 г. предприняла конница Тамерлана, атаковавшая на реке Ганге вплавь 48 индийских кораблей и взявшая их.

Княжества Литовского проходила в 160 км. к западу от Москвы. Но Москва к тому времени так окрепла, что могла начать борьбу за возвращение России русского: её первый поход на Литву — „ради своего” — состоялся в 1492 г.. Две войны — 1500-3 и 1514-23 гг. — возвратили России обширные земли запада и юга, включая города Псков, Смоленск, Чернигов. Но то, что прежде у Руси отнимала Литва, теперь приходилось отбирать у Польши, потому что Польша поглотила Литву, благодаря браку польской королевы Ядвиги с литовским князем Ягайлом.

Поглотить Россию, окатоличить её (как Литву) Польша вздумала иным способом: послала на Москву Лже-Дмитрия. Москва проиграла оборонительную войну 1604-5 г. и самозванец воцарился. Восставшие москвичи убили его. Вдова его сошлась с новым самозванцем (Тушинским вором) и последний, во главе польско-литовских отрядов и казачьих шаек осадил в 1608 г. Москву. Русь одержала верх и в этой оборонительной войне. Но в 1610 польский король Сигизмунд объявил Москве войну, осадил Смоленск, а затем и Москву, намереваясь сесть на русский престол; проигранная было русскими война получила в 1612 г. счастливый оборот: земская рать князя Пожарского взяла приступом Китай-город (в Москве) и Сигизмунд в новом походе был отброшен. Сигизмунд не признал Михаила Романова царем России и опять напал на Русь (1617-8), причем войско его сына Владислава дошло снова до Москвы, но победы не добилось.

После этих четырех оборонительных войн Москва решает наступать для отобрания у поляков Смоленска (1632-4 гг.). Вторая война, долгая и тяжелая — в 1654-67 гг.: у поляков отняты Смоленск, Северские земли, Киев, Левобережная Малороссия.

В Смутное время поляк хотел сесть на русский трон, в 1734 г. императрица Анна не допустила, чтобы на польский трон сел Станислав, враг России — нападательной войной Россия способствовала восхождению на престол в Варшаве Августа III. Россия была вынуждена весьма интересоваться польскими делами: в составе Польши оставались земли, в

давнее время отнятые Литвою у Руси; русское, православное население этих земель подвергалось жестоким утеснениям и насильственному окатоличению. Для защиты человеческих прав своих единокровных и единоверных братьев Россия (Екатерина II) послала в Польшу войско — 1767-8 гг. —, которое побудило сейм признать права русского населения Польши; Россия взяла себе право — зная переменчивость настроений шляхты — наблюдать за выполнением польских обязательств; одновременно русскому войску пришлось прекращать резню в Малороссии между польскими конфедератами (которых поддерживали Австрия и Франция) и малороссийскими гайдамаками; недовольные варшавским правительством Пруссия и Австрия ввели свои войска в Польшу, в результате чего произошел первый раздел Польши: Пруссия взяла Померанию и др., Австрия — древне-русскую Галицию, а Россия — Белоруссию.

Под влиянием идей Французской революции часть шляхты реформировала государственный порядок, другая часть воспротивилась и началась междоусобица; по просьбе консерваторов, Россия послала в Польшу большое войско; борьба поляков была подавлена, но Пруссия захватила часть польской территории, а Россия взяла русские земли — Подолию и Волынь. На этот второй раздел Польша ответила восстанием; оно было подавлено и произошел третий — окончательный — раздел между Пруссией, Австрией и Россией, которая таким образом, в результате двух войн — 1792 и 1795 гг. — получила не только свое (Волыньско-Подольский край), но и чужое — Литву, Курляндию и Варшаву. С поляками пришлось воевать еще два раза — в 1831 и 1863 годах они подымали восстание и русские войска его подавляли.

С 1300 (приблизительно) года началась борьба Литвы, Литвы-Польши, Польши против Руси-России; закончилась она в 1863 г. превращением Царства Польского (прокламированного царем Александром I в 1815 г.) в Привислянский Край Российской Империи. В XIII и XIV веках Литва обогащается русскими землями; в XV, XVII веках Россия ведет „ради своего” 3 оборонительные войны и 5 раз нападательно

воюет ради отображения своего. Как оценить войны XVIII века? Россия нападает 4 раза но она защищает русских, своих, в Польше. Как оценить события XIX века? Россия подавляет 2 восстания в Польше, которая стала Русской Польшей. Эти 2 случая стоят особо, вне категорий войн.

VI ВОЙНЫ С БАСУРМАНАМИ

Русско-Турецкие войны начались в последней трети XVII века: в 1672 г. Турция, посягая на Малороссию, объявила России войну; она безрезультатно закончилась в 1699 г. Говоря о последующих войнах, можно было бы напомнить, что славянские племена (уличи и тиверцы) жили на берегу Понта Эвксинского, между реками Днепр и Дунай, уже в IV веке; что эти племена и их земли вошли в состав образовавшегося на грани IX и X веков Киевского государства, что появление турок на северном берегу Черного моря в XVII веке было неестественным, необоснованным. Но не этой неестественностью пребывания турок и не историческим прецедентом из X века были обоснованы войны России, начиная с Петра I, против Турции: не естественно и не мыслимо было существование России без выхода к морю. Выходом мог быть Азов — война 1695-6 гг. дала Петру Азов. Царь хотел образовать союз христианских народов для изгнания басурманов из Европы; отклика не получил, кроме от короля Польши Августа. Но Август не помог Петру, когда турки объявили России войну (1710-11 гг.): Петр с войском был окружен у Прута, едва избежал плена и, в результате, потерял Азов.

Крымцы, опираясь на Порту, усилили свои набеги на юг России. Пришлось объявить войну Турции (1736-9 гг.). Фельдмаршал Миних разорил Крым, взял Очаков, но союзник России, Австрия, терпела поражения, которыми „компенсировались” наши победы: мы получили Черноморские степи, но берега Черного моря не получили. Подстрекаемая Францией Турция снова объявила войну России (1768 г.), когда она и её войско были заняты Польскими делами. Но Румянцев на суше, Орлов с адмиралами Спиридовым и Грейгом нанесли туркам страшные поражения и Османы отдали

России Керченский пролив и устья Дона, Буга и Днестра. В окружении Екатерины создается идея — „Греческий проект” — изгнания (в союзе с Австрией) турок из Европы, освобождения от турецкого ига христиан на Балканах и создания Греческой империи с Константинополем, как столицей. Последствием этого проекта были войны ради освобождения южных славян и мечта о Царьграде. Греческий проект взволновал Порту и она, побуждаемая Англией, снова объявила войну России (1787-91). Блистательные победы Суворова дали России мир и Новороссию (земли между Бугом и Днестром). Враждебность турок не прекращается и новая война возникает в 1806 г. и тянется 6 лет; Кутузов уничтожил турецкую армию и приобрел для России Бессарабию, что не меняет характера войны: „ради обороны”.

Оборонительные и наступательные войны против турок были борьбой за черноморское побережье. При царе Николае I выступает на первый план освобождение христиан от басурманов. России принадлежала инициатива войны 1828-9 гг., в результате которой (победы Дибича) Молдавия, Валахия и Сербия получили автономию, Греция — независимость. Война была „ради друзей”, хотя и Россия получила выгоду: увеличилось протяжение русских берегов Черного моря (напомним даже к Крестовым походам была присоединена коммерциальная задача приобретения для Генуи торгового пути в Индию). Еще одну войну объявила Россия Турции „ради друзей”: героическое восстание сербов и черногорцев, взрыв славянофильства в России, отказ Порты выполнить требование международной конференции о прекращении зверств над христианами побудили царя вторгнуться в Турцию (1877-8 гг.). Сербия и румыны получили независимость, болгары — автономию, Россию англичане не пустили в Константинополь: победитель не получил ничего, а не воевавшая Австрия получила Боснию и Герцоговину.

Войны против басурман надо разделить так: „ради своего” — 5, „ради чужого” — 2, „ради друзей” — 2.

VII ПОГИБЕЛЬНЫЙ КАВКАЗ

6 Крестовых походов предприняла Европа ради Гроба Господня и пути в Индию. Петр Великий предпринял 2 по-

хода ради пути в Индию: в 1717 г. послал кабардинского князя Бековича-Черкасского через Хиву — его отряд уничтожили хивинцы — а в 1722 г. направил из Астрахани войско на Дербент и Баку; города эти были завоеваны, но путь в Индию не открылся и императрица Анна отдала их Персии.

Персия теснила православную Грузию. Грузия стала под защиту православного царя; присоединение Грузии к России побудило Персию объявить войну (1805-13 гг.) и персы потеряли Дербент и Баку. Вторая война — в 1826-8 гг. персы внезапно вторглись в Закавказье, но были разбиты Паскевичем, завоевавшим Армению.

Дойдя при Екатерине до Кубани и Терека, Россия соприкоснулась с горцами; пришлось создать Кубанское и Терское казачьи войска для защиты „линии” (границы) от набегов. Немирный Кавказ препятствовал связи с Закавказьем с Грузией и Арменией и русские занялись его замирением. С 1825 по 1854 годы гибли наши солдаты в тяжелой горной войне (горцам скрытно помогала Турция и, за её спиной, Англия) и наконец „погибельный” Кавказ был завоеван и приобщен к Российской культуре, законности и благополучию.

Считать ли поход Бековича-Черкасского войной? Считают ли американцы войной поход адмирала Пирри (1854 г.) в порты Японии? Нет. — Персидские 2 войны были для России обороной „своего” и 2 — „ради чужого”, а Кавказская была „ради своего”, (т. е. ради защиты границы от набегов горцев).

VIII ВЕЛИКИЙ МАРШ К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ

Падение Казани открыло пути за Волгу. Именитые купцы Строгановы образовали на Каме (1560 г.) пространственный и России необходимый промышленный район. На земли Строгановых нападали отряды Сибирского ханства (на Иртыше); обороняясь, Строгановы послали Ермака с отрядом наемников (1582 г.) и город Искер (Сибирь) был завоеван: война „ради своего”.

Одновременно вели войну и царские воеводы. Начало её относится к концу XV века (впрочем, уже в XIV в. новгородские ушкуйники доходили до Оби), а конец к 1596 г., когда русские отряды довершили покорение Сибирского ханства и дошли до Нарыма. Эта война — царских войск — была „ради чужого“, державный рост России требовал движения на восток. Затем начался мирный марш к океану: не встречая сопротивления (ни государств, ни крепких племен не было на протяжении 3500 км. от Нарыма до Охотска) шли землепроходцы, за ними — купцы, потом — воеводы и наконец — миссионеры. 100 лет продолжался этот мирный марш (без убийства, истребления туземцев) и на Амуре произошло соприкосновение с Китаем, но русские отошли от Амура и (1689 г.) договорились с китайцами. Без борьбы была присоединена Камчатка, а в середине XIX века по соглашению с Китаем — Амурский и Уссурийский края; у японцев выменяли половину Сахалина за Курильские острова. Лишнее — Аляску — продали Америке за гроши (7 млн. долл.). Соорудили замерзающий порт Владивосток и не заметили, что в 170 км. от него есть не замерзающая бухта Находка. Оцени Россия эту находку, не было бы Японской войны 1904-5 гг.. Война эта и формально, и оперативно была оборонительной, но следовало бы признаться, что вызвана она была тем, что мы присвоили Порт Артур, отвоеванный японцами у Китайцев, вступили в Маньчжурию и ступили в Корею. Итак, итог азийской эпопеи: война воевод — „ради чужого“, война Строгановых — „ради обороны“; Японская, скажем, тоже.

IX ТУРКЕСТАН

Немыслимо было соседство России XVIII, XIX веков с государствами (Кокан, Бухара и Хива), остававшимися на уровне XIII века; невысказано было терпеть нападения, грабежи и увод русских в неволю. Только три войны вела Россия против трех туркестанских ханств, но эти войны начались при Петре I и закончились при Александре II (свыше 170 лет): в 1881 г. Скобелев овладел последним оплотом дикарей, крепостью Геок-тепе. Эти наступательные войны были войнами „ради обороны“ от соседей-разбойников.

Х РОССИЯ И ЕВРОПА

Войско России не сделало ни одного шага по Европе без просьбы на то Европы. В Семилетней войне Россия участвовала (1756-61 гг.) по просьбе Австрии, тягавшейся с Пруссией. Встревоженные походами по Европе войск революционной Франции Англия, Австрия, Неаполь и Турция образуют коалицию; присоединившаяся к ней Россия шлет Суворова в Италию, а Ушакова с флотом к берегам Италии. После этой войны (1798-1800 гг.) возникает вторая коалиция (1805 г.) — Англия, Австрия и Россия — и Кутузов с армией спешит на помощь Австрии. В 1814 г. Россия идет освобождать Европу от Наполеона, имея союзниками Пруссию, Австрию, Англию и Швецию. В 1827 г., ради освобождения Греции, русская эскадра, совместно с английскими и французскими кораблями, уничтожает у Наварина турецкий флот. В 1833 г. наш вечный враг Турция попросила прислать войска для защиты её от египетского хедива. В 1849 г. наш то враг, то коварный союзник Австрия попросила прислать войско для подавления венгерского восстания. В 1900 г. Линевиц идет спасать осажденный боксерами посольский квартал в Пекине, в то время как боевые корабли Великих Держав бомбардируют форты Таку. 8 раз воевала Россия „ради друзей“ и не искала от этого ни территориальных, ни дипломатических, ни экономических выгод (чего нельзя сказать о „друзьях“).

Европа трижды напала на Россию: в 1812-г. нашествие „двадесети-язык“ во главе с Наполеоном; в 1853-5 гг. Франция и Англия (поддержанные Турцией, Сардинией и Тунисом) напали на Севастополь, Кронштадт и Петропавловск на Камчатке — это был, по замыслу Наполеона III и Ватикана, Крестовый поход (хорош Крестовый поход с помощью магомедан турецких и тунисских!). В 1914 г. Австро-Венгрия и Германия сотворили войну ради завоевания Сербии и Малороссии, привлекиши на свою сторону Болгарию и Турцию.

Три раза Россия была вынуждена отбиваться ради защиты „своего“ от соединенных армий Европы. 8 раз Россия походами своих войск безкорыстно благодетельствовала Европе.

XI ИТОГИ

Итак, мы поделили войны России на категории: „ради друзей“, ради „чужого“ и „ради своего“. Две войны были внутренними (подавление польских восстаний) и стоят вне категорий, а 64 войны распределяются так:

10 войн „ради друзей“,

9 войн „ради чужого“ (т.е. империалистические, по нынешней пустой терминологии),

45 войн „ради своего“. Одинаково необходимо было отвоевать своё, исконное, как Водьская пятина Новгорода на Балтийском берегу, и, защищая свой пограничный люд, его имущество и державную честь, завоевать хищный, кроваво-жадный, алчный до добычи, крепких невольников, красивых невольниц Туркестан.

В 10 войнах „ради друзей“ Россия поживилась только Финляндией на севере и Карсом на юге. Некоторые из прочих 54 войн дали ей территориальные приобретения, но величина их не идет в сравнение с тем, что приобретено мирным походом через Азию от Урала до Берингова пролива. Со времен Ивана III Россия увеличилась в 47 раз. Но за тот же период времени крошечная Голландия увеличилась в 49 раз, Германия — в 57 раз, карликовая Бельгия — в 77 раз, Испания (в период своего расцвета) — в 116 раз, а Англия — в 210 раз (сведения эти опубликованы северо-американской военной печатью, а потому они стыдливо умалчивают, во сколько раз увеличилась территория С. Ш. А.: из 13 маленьких штатов образовалось 50 с огромной территорией и заморскими владениями).

Со времен Ивана III Россия увеличилась завоеваниями (к западу от Урала и на Кавказе, и в Туркестане) всего лишь в 19 раз — приблизительно —, приобретая главным образом русские земли. Затем она увеличилась в 28 раз, по сравнению с основным Ивана III ядром, причем это увеличение было результатом мирного роста по азийскому, ничьему пространству. Так очень не хищно выглядит увеличение в 47 раз (по американским, упомянутым выше, данным). Не

столько военная сила (честь и благодарность ей России за легендарную доблесть в 66 войнах!) давала рост стране великого народа, сколько его жизненная сила, державная энергия, проявленные в мирном расширении пределов России.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Часть 1

Мир без мира	3
Демократия и Россия	5
Демократия	10
Демократия и СССР	13

Часть 2

С точки зрения страха	19
Великие хищники	26
Грехи и праведность России	35
Из-за СССР Мир без мира	43

Часть 3 — Войны России:

I Феномен войны	46
II Четыре войны „ради своего“	48
III Войны против татар	48
IV Потомки викингов и Россия	49
V Спор славян между собою	51
VI Войны с басурманами	54
VII Погибельный Кавказ	55
VIII Великий марш к Великому океану	56
IX Туркестан	57
X Россия и Европа	58
XI Итоги	59